

В. Г. Белинский

**Вчера и
сегодня. Литературный
сборник, составленный...**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Вчера и сегодня.
Литературный сборник,
составленный гр. В.А.
Соллогубом. Книга вторая**

«Долго ждали мы второй книжки «Вчера и сегодня», наконец дождались, как бы в подтверждение той истины, что всему бывает конец – даже и напечатанию небольшой русской книги. Но это не главное: главное в содержании книги; взглянем же на него...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Вчера и сегодня.
Литературный сборник,
составленный гр. В.А.
Соллогубом. Книга вторая**

Литературный сборник, составленный гр. В.А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Книга вторая. Санкт-Петербург. В тип. императорской Академии наук. 1846. В 8-ю д. л. 182 стр.

Долго ждали мы второй книжки «Вчера и сегодня», наконец дождались, как бы в подтверждение той истины, что всему бывает конец – даже и напечатанию небольшой русской книги. Но это не главное: главное в содержании книги; взглянем же на него.

«Воспитанница», повесть графа Соллогуба, составляет «второй эпизод Теменевской ярмарки, или воспоминаний странствующего актера». В ней много интересных подробностей русского быта, ярких картин и частных, ознаменованных давно всеми признанным талантом графа Соллогуба; о достоинстве рассказа, занимательном содержании, умном взгляде на предметы – нечего и говорить: за все это достаточно ручается имя автора; но в целом эта повесть не принадлежит к числу лучших произведений даровитого пера его: она немножко растянута и местами театральна. Впрочем, он и не обязан давать только лучшее, и публика, верно, останется ему благодарною и за хорошее; а что его повесть хороша, в этом можно убедиться из следующего отрывка:

Между ремонтерами, прибывшими на

Теменевскую ярмарку, находился один армейский корнет, употреблявший всю жизнь свою на то, чтобы заслужить завидную известность лихого, отчаянного гусара. Тип отчаянного гусара в эпоху нашего рассказа, лет за 20 назад тому, вероятно, памятен читателям. Отчаянный гусар должен был выпивать страшное количество вина и рому, должен был иметь баснословные, неоплатные долги, гарцевать на сердитой лошади, сидеть часто под арестом, быть счастливым в любви и проводить время за картами и бутылками в обществе дам неопределенного сословия. С того времени тип этот начал изменяться. Люди поняли, что много нить – значит не молодечество, а пьянство; жить чужими деньгами – не молодечество, а плутовство; заниматься вечно разгульем – тоже не молодечество, а распутство, губящее навеки и здоровье и доброе имя.

Теменевский отчаянный гусар был вздорный парень, ослепленный блеском своего мундира, обрадованный, что мог вырваться на волю из-под матуш-

кина крыла, и мучимый безграничным самолюбием. Так как он не имел никакого образования и чувствовал себя совершенно неспособным к чему-нибудь дельному, то он погрузился в молодечество, хвастал своими пороками и всячески старался удивлять своим ухарским образом жизни.

Увидав Наташу, услышав, что все его товарищи встретили сильный отпор в своих любовных атаках, он решился перещеголять всех, одержать победу над непреклонной и тем увековечить навсегда свое имя в летописях ремонтёрства и Теменевской ярмарки. Самолюбие его разгорелось. В скором времени он был уже приятелем Ивана Кузьмича и всех актеров. Иван Кузьмич, желая привлечь в свой театр гг. офицеров, был мил, разговорчив и даже, забывая иногда важность, свойственную его сану, иногда выпивая с гусаром лишнюю рюмку, упрашивая его, впрочем, не спаивать его авторов. Гусар каждый вечер ходил за кулисы, начинал с Наташей любезничать, но, встречая ее холодный взор, робел, как школьник. Обдуманые объяснения за-

мирали под гусарскими усами, и дела его нисколько не подвигались, хотя он и принял уж перед товарищами скромно-озабоченный вид человека, вполне счастливого. Отчаиваясь в настоящем успехе, он обратился к хитрости и старался достигнуть наружности успеха. Девушка Иванова, украшенная по его милости золотыми сережками, купленными на ярмарке, начала распускать на счет Наташи самые гнусные слухи и доставляла гусару все средства встречать ее повсюду, куда бы она ни выходила. Актеры начали скоро потчевать гимназиста самыми площадными шутками. Офицеры с завистью поздравляли своего счастливового товарища, который на их поздравления отвечал только лукавой улыбкой. Гимназист был бледен, худел с каждым днем; в движениях его было что-то лихорадочное. Наташа молча сносила новое бедствие: она почитала унижительным оправдываться.

В то время ремонтеры затеяли большой холостой обед в зале временного клуба. Эконом, на которого было возложено устройство пиршества, испол-

нил свое дело как нельзя лучше, тем более что об цене не торговались. Ремонтеры тем известны, что не гонятся за лишней копейкой. Обед был на славу, стол украшен цветами. Рыбу подали величины баснословной; фрикасе так и горело пряностями. Видно было, что ничего не жалели. Собеседники, числом до двадцати человек, ели, пили и были чрезвычайно оживлены. Главный предмет разговора заключался, разумеется, в лошадях. Говорили с большим жаром о каурых и вороных, саврасых и буланых, половых и соловых, с отметинами и без отметин, спорили, горячились. Шампанское буквально лилось рекой и не в одни ремонтерские утробы, но и по скатерти и по полу. Опорожненные бутылки бросали весьма ловко в угол комнаты, где бились с приятным звоном и в скором времени образовали порядочную пирамиду. Раскрасневшийся гусар бился об заклад, что одним залпом выпьет целую бутылку шампанского, что, впрочем, исполнил весьма неудачно, облившись весь вином. Другие последовали его примеру с большим успехом. Шум

сделался ужасный. Все говорили вместе, не слушая друг друга. Эконом, призванный для получения благодарности, тут же был упротчеван до совершенного упоения. Картина сделалась самая живописная. Посреди густого табачного дыма толпились, в разных позициях, раскрасневшиеся усачи, в разноцветных шелковых рубашках, с чубуками в руках. На столе не было уже ни цветов, ни тарелок, а красовалось что-то вроде географической карты. Улыбающийся слуга в оборванном сюртуке стоял у дверей с подносом и откупоренной бутылкой, которую он прикрывал пальцем.

– Знаете, господа, – закричал кирасир ростом в три аршина, – богатая мысль! Теперь бы послать за цыганами. А что в самом деле: они попоют, а мы послушаем... ну и хорошо, кажется.

Несколько офицеров рассмеялись.

– Ну, брат, тяжелая кавалерия, спешил, брат, спасовал... – заметил с хохотом отчаянный гусар. Так пьян, что и завираться начал.

– А что?..

– Как что?.. Цыгане-то в нынешнем году не приезжали. В Москве, слышно, остались.

– Ба, ба! в самом деле, – заревел кирасир и ударил стаканом по столу; стакан разлетелся вдребезги, а вино разлилось новым океаном.

– Нет, вот что, – подхватил майор с темно-малиновым лицом и светло-серыми усами, – пускай гусар пошлет за своей Наташей.

Отчаянный гусар немного смутился.

– Не пойдет, – сказал он, краснея.

– Не пойдет? Как не пойдет? Посмотрел бы я в старые годы, как не пошла бы моя Матрена Ивановна... посмотрел бы я...

– Она ведь такая застенчивая, – робко вымолвил гусар.

– Вот еще на вздор этот смотреть! У меня, брат, по-военному: рысью, марш! Вся недолга!.. Да ты, кажется, молодец на словах только... а на деле... мое почтение!

– Позвольте, майор, – вы, кажется...

– Не горячись, душа моя, нездорово. Нам с тобой ведь не знакомиться, да и меня господа знают. Сердись, не сер-

дись, а я так думаю, что Наташа тебя просто дурачит.

– Неправда! – воскликнул вспыльчиво гусар.

– Вот с чем подъехал... Сказал неправда... так тебе все и поверили. Нет, ты, братец, докажи.

– Да, докажи, докажи!.. – кричали багровые собеседники. – Ай да майор... молодец – срезал гусара! Поднялся шум, свист, хохот.

Гусар, разгоряченный вином, самолюбием и досадой, решился на самый отчаянный подвиг.

– Извольте... – крикнул он, – докажу...

– Bravo, bravo! – раздалось со всех сторон. – Молодец гусар, срезал майора...

– Позвольте... – сказал майор, – надо знать еще, как он докажет.

– Как?..

– Да, каким образом?..

– Да вот как... при вас всех поцелую Наташу.

– Оно бы... гм... братец... да, ты и того не сделаешь.

– Как, не сделаю?

– Да так, не сделаешь.

– Нет, сделаю.

- Пари...
- Изволь.
- Дюжину шампанского.
- Две дюжины.
- Хорошо...
- Господа! вы свидетели.
- Свидетели, свидетели! – подхватило несколько голосов. – Вот умное пари... По крайней мере всем достанется...
- Да когда же это будет? – спросил кто-то.
- Да сейчас, если хотите, – промычал опьяневший гусар, – сейчас... сами увидите, хвастал ли я... Наташа теперь в театре... Увидите, ступайте за мной.
- В театр, в театр! – закричали все в один голос.
- А там, господа, прошу снова сюда пожаловать... па выигранное вино... мне что-то пить хочется... Знай наших! Уж пошел кутить, – так не оглядывайся...
- Ну, на нынешний день, кажется, довольно... Завтра не ушло, – заметил основательно майор, – а любопытно мне видеть, как ты выиграешь.
- Стулья с шумом полетели на пол.
- Каждый отыскал, как мог, сюртук

свой и фуражку. Слуги бросились к столу допивать оставленное вино, а буйная ватага хлынула лавиной к театру. Гусар шел впереди с фуражкой на затылке, с выпученными глазами, красный, как рак, махая руками, но не совсем с спокойным сердцем. Два товарища вели его почтительно под руки. Входя в театр, они подняли такой шум, что едва не остановили пьесы. Наконец они уселись. Двое из разгульной толпы тут же заснули на креслах, прочие начали шутить вслух, аплодировать, вызывать и шуметь таким образом, что театр действительно чуть-чуть не рушился.

Грустно было в этот вечер Наташе. Скрепя сердце, нехотя исполняла она какую-то вялую роль нашего домашнего произведения. Она чувствовала, что она слишком скоро предалась минутному обману, что нежное ее сердце никогда не очерствеет от грубого прикосновения не понимающих ее людей. С ней играл гимназист, истерзанный раскаянием и сомнением, убитый сознанием, что она низошла до него по

ступеням злополучия и что он не сумел сохранить своего благоговения перед святыней ее несчастья. Они говорили друг другу перед публикой какие-то пошлые слова, в которых не было ни чувства, ни смысла, ни истины, а в Душах их разыгрывалась настоящая страшная драма страстей и печалей человеческих.

Когда первое действие кончилось, гимназист вышел подышать на площадку, на которой находился театральный сарай. На лестнице встретил он разгульную ватагу ремонтеров, идущих, по обыкновению, любезничать во время антракта за кулисами. Гимназист побледнел и нахмурил брови. Девушка Иванова стояла подле него с коварной улыбкой.

– Какие хорошенькие Наталья Павловна, – сказала она. – Просто прелести... зато – уж надо сказать... всем ндравятся.

Гимназист не отвечал.

– Уж надо сказать... – продолжала девушка Иванова, – какие эти кавалеры странные: на все готовы, только чтоб

на своем поставить. Настенька говорила давеча, что гусарский офицер обещается жениться на Наталье Павловне... Уж такой модник, право!

Гимназист поспешно обернулся и так взглянул на актрису, что она отступила на шаг, однако же продолжала говорить:

– Вот и будет вам за то, что зазнались, старых приятелей, забыли... И поделом вам... право... слышите шум... право, шумят... Уж не сговор ли справляют.

На сцене действительно слышен был странный шум.

Гимназист бросился к театру, мигом вскочил на лестницу, отворял дверь – и остановился, как бы пораженный громом. Лицо его страшно исказилось, глаза налились кровью, волосы стали дыбом, бледность смерти покрыла его черты, на устах показалась пена, и все члены его затряслись, как бы в лихорадке. Гусар держал Наташу в своих объятиях, среди толпы ремонтеров, которые смеялись и аплодировали.

Кровавое зарево отуманило глаза гимназиста. Он не двигался... Веселая шай-

ка прошла, смеясь, мимо него. Он не остановил ее. Но когда Наташа, трепетная, едва дышащая, почти без чувств, дотащила до него, он отскочил от нее, как от змеи, и вся грубая сторона его души вдруг разразилась страшными проклятиями, ругательствами и сквернословиями. И вдруг, забывшись совершенно, он ринулся на несчастную свою жертву, ударил ее в лицо, только что опозоренное нечистым поцелуем, и с неистовыми упреками в измене и распутстве поверг ее на землю. В эту минуту кинулись на него с двух сторон Петров и Иван Кузьмич. Петров из любви к Наташе, Иван Кузьмич из опасения, что публика услышит сцену, не объявленную в афишке... Вдвоем вытолкали они безумного вон из театра. Как только пахнуло свежим воздухом, гимназист остановился... схватил голову обеими руками и, как бы вдруг опомнившись, закричал диким, почти нечеловеческим голосом и пустился бежать, не оглядываясь. Куда убежал он, неизвестно, но никогда ни в Теменеве, ни в губернском городе его никто уже бо-

лее не видал.

Легко и с удовольствием перелистывается статья г. Ефёбовского «Петербургские разносчики». Интересна (хотя и не в литературном отношении) статья: «Глава из «Тарантаса»: «Купцы», исправленная купцом». Довольно скучна статья «Амена» отрывок из романа «Стебеловский») – нечто вроде неудачного раздражения мысли, взятой в плен из сочинений Шатобриана.

Стихов довольно, но хорошего мало. «Грезы» г. Майкова, может быть, и хороши, но они ниже его таланта, и нам, любя и уважая его прекрасный талант, неприятно видеть их в печати. «Опять весна», стихотворение Баратынского, будучи им отделано, могло б быть хорошо, но оставшись не отделанным, могло б остаться и не напечатанным. «Лорелея» – уж и не помним который перевод довольно пустой пьесы Гейне. Г-н Плещеев, имя которого довольно часто мелькает теперь в разных повременных изданиях, под весьма бесцветными стишками «К ней» и, не помним, к чему-то еще, напечатал во «Вчера и сегодня» перевод целых восьми пьес из Гейне, Вот первая

ИЗ НИХ;

*Был старый король (эту песню
Я, други, слышал в старину),
Седой и с остылой душою;
Он взял молодую жену.
Был паж с голубыми глазами,
Исполнен отваги и сил;
Он шелковый шлейф королевы,
Младой королевы носил.
Докончить ли старую песню?..
Звучит так уныло она...
Она (песня?) слишком сильно лю-
била,
И смерть им (кому?) была сужде-
на!..*

Что же дальше? – Ничего. Сам Гейне спрашивает: «докончить ли?», чувствуя, что немного найдется охотников слушать такие пустяки. Перевод, как видите, так же неудачен, как не современен выбор пьесы для перевода.

Кроме всего этого, во второй книжке «Вчера и сегодня» помещено из бумаг покойного Лермонтова четыре стихотворения и одна (совершенно незначительная) статья в прозе – «Ашик-Кериб». Одно из стихотворений пре-

восходно, но зато не ново; это – «Есть речи – значенье»; нового в нем четыре лишние куплета, исключенные самим автором, как неудачные и ослабляющие силу целой пьесы. Три другие стихотворения Лермонтова, помещенные во «Вчера и сегодня», – явно первые опыты Лермонтова; но они тем не менее интересны. Последняя из них – «Беглец», горская легенда, блещет местами сильным стихом; вторая – «Вид гор из степей Козлова» – прекрасный перевод одного из крымских сонетов Мицкевича («Пилигрим»); первая – «Не смейся», замечательна, как автобиографическая черта, невольно заставляющая призадуматься о судьбе поэта... Две первые выписываем здесь:

*Не смейся над моей пророческой
тоскою.*

Я знал, удар судьбы меня не обойдет,

Я знал, что голова, любимая тобою,

С твоей груди на.....перейдет.

Я говорил тебе, ни счастья, ни славы

Мне в мире не найти. – Настанет

час кровавый...

И я паду, – и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцвет-
ший гений, —

И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений...
Но я без страха жду довременный
конец;

Давно пора мне мир увидеть но-
вый.

Пускай толпа растопчет мой ве-
нец,

Венец певца, венец терновый

Пилигрим

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг тверды-
ни,

Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот месяц небо озарил.

То не пожар ли Царяграда?
Иль Бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада

Плывущих по морю светил?

Мирза

*Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдах был...*

Пилигрим

А!..

Издание второй книжки «Вчера и сегодня»
опрятно и красиво.